

В.С. СТЕПИН,

ПОЧЕТНЫЙ ПРОФЕССОР БГУ, АКАДЕМИК РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК (МОСКВА)

**КАРТИНА СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ
В СИСТЕМЕ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ
(Ч. 1. Методологические предпосылки, интегративные
и эвристические функции)**

В контексте современной эпохи дисциплинарно организованной науки и возрастания роли междисциплинарных исследований актуализируется значимость научной картины мира (картины исследуемой реальности) как особого методологического инструмента, формы научного знания, исследовательской матрицы, позволяющей обозначить представления о предмете науки в его главных системно-структурных характеристиках. Картина социальной реальности представлена через составляющие ее основные подсистемы – экономику, социально-политическую подсистему и культуру. Подробно анализируется история создания типологии научной картины мира. Рассматриваются особенности построения системы социальной реальности, классификации современных социологических парадигм.

In context of the modern epoch of disciplinary organized sciences and growth of the role of inter-disciplinary studies the value of the world scientific picture (the picture of reality under study) is actualized as a special methodological instrument, form of scientific knowledge, exploratory matrix enabling to mark the notions of the subject of science in its main system-structure features. The picture of social reality is presented through the following main subsystems as its constituents – economy, social-political subsystem and culture. The history of creating the typology of the world scientific picture is given a detailed analysis to. The peculiarities of building the system of social reality, classifications of modern sociological paradigms are considered.

Становление любой науки, будь то естественно-научная или социальная дисциплина, предполагает определение ее предметной области. В социальных науках это обычно сопряжено с идеологическими интерпретациями, которые могут как способствовать конституированию новых наук, так и тормозить этот процесс.

В этой связи уместно вспомнить о тех трудностях, в том числе и идеологического характера, которые приходилось преодолевать исследователям в период дисциплинарного оформления отечественной социологии в 1950-х – начале 1960-х гг.

В то время в идеологическом климате советского общества поддерживалось негативное отношение к социологическим исследованиям, интенсивно развивавшимся на Западе после Второй мировой войны. Особым нападкам подвергались исследования малых социальных групп, и прежде всего исследования, направленные на диагностику конфликтных ситуаций и нахождения путей их преодоления. Они квалифицировались как бесплодные попытки буржуазных идеологов отвлечь массы от классовой борьбы. Западной социологии противопоставлялся исторический материализм как «единственно верная научная теория общественного развития». В радикальных версиях этого подхода постулировалась альтернативность исторического материализма и социологии как особой науки.

Исследователям, внесшим решающий вклад в процессы институционализации отечественной социологии (Г. Осипов, В. Ядов, А. Здравомыслов, Ю. Левада и др.), приходилось преодолевать эти идеологемы, определяя предмет и задачи социологии. Отстаивая статус социологии как особой научной дисциплины, они выделили в марксистской концепции общества, с одной стороны, ее философские принципы (материалистическое понимание истории), с другой – то конкретно-научное содержание, которое могло быть отнесено к предмету социологии, и показали, что развитие исторического материализма не отрицает, а, наоборот, предполагает развертывание теоретических и эмпирических социологических исследований.

Такой подход был сопряжен с постановкой ряда методологических проблем: роли и места философских идей в формировании предмета научных дисциплин, различения объекта и предмета исследования, когда один и тот же объект может изучаться разными науками, каждая из которых формирует особое системное видение аспекта или фрагмента сложного системного объекта. Постановка и предложенные решения этих проблем сохраняют актуальность и по настоящее время.

Вместе с тем современное развитие науки, в том числе и системы социальных дисциплин, требует новой конкретизации ранее выработанных методологических идей и осмысления новых проблем. Среди них особо актуализируется проблематика исторического изменения системно-структурных представлений о предмете науки по мере накопления новых фактов и конкретных теорий, объясняющих эти факты, а также взаимодействия различных предметных образов одной и той же реальности и выработки интегральных представлений, синтезирующих эти образы.

Последняя проблема тесно связана с возрастанием в современной науке удельного веса междисциплинарных исследований. Даже беглый анализ языка современных социально-теоретических концепций обнаруживает применение методов и концептуальных средств не только к системе различных социально-гуманитарных наук (например, понятий психологии, экономики, наук о культуре и т. п. при анализе социально-политических процессов), но и использование понятийных средств кибернетики, теории систем, генетики, семиотики, нелинейной динамики и т. п.

Перенос методов и концептуальных средств из одной науки в другую предполагает, что предварительно устанавливается в определенных аспектах сходство предметов различных дисциплин. А для этого необходимо особое видение, некоторое табло распознавания общих признаков предметных образов различных наук.

Возникают вопросы, в какой форме знания и на какой основе появляются такие синтезирующие образы реальности, общие для различных дисциплин.

Ответ на эти вопросы требует особого методологического инструментария. Он был выработан в отечественных исследованиях и связан с выявлением и анализом особой формы теоретического знания – научной картины мира.

Понятие научной картины мира (картины исследуемой реальности).

Типология научных картин мира

Научная картина мира как форма научного знания обстоятельно анализировалась в нашей философско-методологической литературе, начиная с 1960-х гг. В западной философии науки эта проблематика долгое время выпадала из сферы исследований. Научная картина мира отождествлялась с теорией. В середине 1970-х гг. появились работы, фиксирующие научную картину мира как специфическую форму знания. Но это были лишь первые шаги. Что же касается отечественных исследований, то к этому времени у нас уже была проанализирована структура научной картины мира, выяснено ее соотношение с теориями, определена типология научных картин мира и их функции в исследовательской деятельности.

Все эти результаты расширили арсенал методологических средств науки. Понятие научной картины мира вошло в состав этих средств наряду с понятиями *теория, факт, теоретический* и *эмпирический уровни* исследований и др.

Любая наука предполагает видение основных отличительных признаков предмета ее исследования. Такое видение фиксирует научная картина мира. Она содержит представления о предмете науки в его главных системно-структурных характеристиках. Картина мира строится из небольшого набора фундаментальных теоретических абстракций (теоретических конструктов), которые онтологизируются, отождествляются с исследуемой реальностью. Это – общая характеристика любой научной картины мира. Связи и отношения конструктов, из которых она построена, описываются в системе онтологических принципов. На них опираются эмпирические и теоретические исследования, осуществляемые на определенном этапе развития науки.

В истории естествознания и социальных наук первым вариантом научной картины мира была механическая картина, господствовавшая в науке в XVII–XVIII вв. и отчасти первой половине XIX в. В ней вводилась следующая система онтологизируемых теоретических конструктов. В качестве фундаментальных объектов мироздания полагались неделимые корпускулы (атомы). И. Ньютон в «Оптике» писал, что Бог создал мир из неделимых корпускул (атомов) и все тела (твердые, жидкие и газообразные) составлены из них и возникают благодаря взаимодействию корпускул. Постулировалось, что взаимодействие корпускул и тел осуществляется как мгновенная передача сил по прямой (дальнодействие) и подчиняется строгой детерминации, получившей позднее определение лапласовской причинности. Процессы движения и взаимодействия протекают в абсолютном пространстве с течением абсолютного времени.

Неделимая корпускула, силы, действующие мгновенно по прямой, абсолютное пространство и время – все это теоретические идеализации, конструкты, которые наделялись онтологическим статусом. Относительно их формулировались принципы неделимости атома и сохранения материи, принцип дальнодействия, принцип лапласовской детерминации, принцип неизменности пространственных и временных интервалов и их независимости от характера движения тел. Система этих принципов составляла фундамент научного знания соответствующей исторической эпохи.

Механическая картина мира выступала как первая научная онтология физики. Она вводила системно-структурные представления предмета ее исследования. Одновременно она воспринималась и как научная картина природы и социальной жизни. Иначе говоря, в XVII–XVIII вв. она соединяла три аспекта: физической, естественно-научной картины мира и картины социальной реальности, претендуя на статус общенаучной картины мира.

Приведу два примера, относящихся к функционированию механической картины мира в качестве парадигмального образа природы и общества. Оба принадлежат этапу становления биологии и социологии как особых научных дисциплин.

В становлении биологии как науки важную роль сыграли идеи об эволюции организмов. Наиболее известным вариантом развития этих идей в конце XVIII – начале XIX в. была концепция Ламарка. Сегодня она воспринимается как своего рода антитеза механистическим представлениям. Но историко-научный анализ показывает, что все обстоит иначе. Оказывается, представления механической картины мира служили в концепции Ламарка фундаментальным объяснительным принципом.

В XVIII ст. механическая картина мира была модифицирована. В качестве фундаментальных объектов в нее были включены наряду с атомами вещества (неделимыми корпускулами) невесомые субстанции – носители тепловых, электрических и магнитных сил – теплород, электрический и магнитный флюиды.

Ламарк сознательно ориентировался на эту картину при исследовании изменений организмов в результате их приспособления к среде. Он полагал, что упражнение органов, вызванное приспособительной активностью, приводит к накоплению в них электрических и магнитных флюидов, что в конечном итоге порождает изменение органов. Отсюда он вывел принцип: упражнение создает орган. И с этих позиций выявлял эволюционные ряды организмов, демонстрирующие образование новых видов¹.

В дальнейшем развитии биологии идея флюидов была устранена, но представление об эволюции видов организмов осталось. Эти представления легли в основание картины биологического мира, несводимой к физической, что конституировало биологию в качестве особой научной дисциплины.

Аналогичные процессы прослеживались в становлении социальных наук. Известно, что Сен-Симон и Фурье предлагали положить в основу исследования социальной жизни механику. Фурье считал, что возможно открыть закон, наподобие закона всемирного тяготения, который описывает все взаимодействия людей, только это будет тяготение не по массам, как в физике, а по страстям. Ученик Сен-Симона О. Конт, выдвинув идею социологии как науки об обществе, сначала называл ее социальной физикой. Он полагал, что ее можно построить по образу и подобию механики. Но потом выяснилась неадекватность механистических представлений в новой области исследований, и Конт первый предпринял шаги по их преодолению. Он предложил рассматривать общество как целостный, развивающийся организм. Но первые шаги по созданию социологии были основаны на механической картине мира, предлагавшей видение общества как механической системы.

В эпоху становления дисциплинарно организованной науки три аспекта механической картины мира (ее статус как физической, естественно-научной и общенаучной) дифференцировались. Они предстали в форме разных типов научной картины мира. Во-первых, сформировались дисциплинарные онтологии – специальные научные картины мира (физическая, химическая, биологическая). По отношению к ним термин «мир» уже не обозначает Универсум, а лишь его аспект или фрагмент, изучаемый соответствующей наукой (физический мир, мир химических взаимодействий, мир биологических процессов и т. п.). Для их обозначения применяют термин «картина реальности» (физической, химической, биологической и т. п.).

Во-вторых, в процессе синтеза различных дисциплинарных онтологий наук о природе создается естественно-научная картина мира. Она включает представление о структурных уровнях организации неживой и живой природы, о фундаментальных особенностях их взаимодействий и об их пространственно-временных характеристиках. Соответственно применительно к социальным и гуманитарным наукам подобную функцию выполняет социально-научная картина (картина социальной реальности), которая призвана синтезировать наиболее значимые достижения этих наук.

Современная естественно-научная картина мира фиксирует иерархию структур неживой природы как результат эволюции Вселенной (элементарные частицы, атомы, молекулы, звезды и планетные системы, галактики, Метагалактика) и структур живой природы (ДНК, РНК, клетка, многоклеточные организмы, популяции, биогеоценозы, биосфера). Поскольку эти структуры могут исследоваться в разных дисциплинах, естественно-научная картина мира определяет место каждой из них в системе знаний о природе и связи их предметных областей.

Что же касается современной социально-научной картины мира (картины социальной реальности), то в сообществе обществоведов и гуманитариев пока нет того уровня консенсуса в принятии той или иной ее версии, который сложился в естествознании по поводу научной картины природы. Тем не менее в различных версиях структуры и динамики общества есть общие компоненты, что намечает общие контуры картины социальной реальности.

Сегодня можно констатировать определенное согласие относительно видения общества как сложной, исторически изменяющейся системы. Картина социальной реальности включает представление об этой системе и в качестве ее составляющих выделяет три основные подсистемы – экономику, социально-политическую подсистему и культуру. Все они связаны между собой и внутренне структурированы. Каждую из них можно сделать особым предметом исследования и представить как сложный исторически развивающийся объект (систему). Именно такое выделение соответствующих блоков картины социальной реальности и конкретизация каждого из них в дисциплинарных онтологиях происходят в соответствующих социально-гуманитарных науках – экономических науках, социологии и политологии, в гуманитарных науках, ориентированных на исследование культуры и человека в культуре. В этом аспекте можно рассматривать картину социальной реальности в качестве системообразующего компонента, объединяющего различные социальные и гуманитарные науки.

Наконец, в-третьих, можно выделить еще один уровень интеграции знаний – общенаучную картину мира. Естественно-научная и социально-научная картины мира выступают ее аспектами. Она вводит целостный образ мира, обобщающий фундаментальные достижения науки соответствующей эпохи и включающий представления о неживой, живой природе, обществе и человеке.

Научная картина мира как исследовательская программа

Научная картина мира задает некоторую обобщенную матрицу системного видения, понимания и осмысления исследуемых объектов. Все, что укладывается в эту матрицу, становится предметом эмпирических и теоретических исследований. Применительно к ним картина мира определяет класс исследовательских задач и ориентирует на выбор средств их решения. Иначе говоря, она функционирует в качестве исследовательской программы.

По отношению к внутродисциплинарным исследованиям эту функцию выполняет специальная научная картина мира (дисциплинарная онтология). Различие в принятых картинах реальности по-разному ориентирует исследовательскую деятельность и может порождать разные теоретические модели одних и тех же исследуемых процессов.

Эта особенность проявляется как в естественных, так и в социальных науках. Известны различные концепции становления капитализма, предложенные К. Марксом и М. Вебером в виде соответствующих реконструкций исторического процесса^{*}.

Картина социальной реальности, разработанная Марксом и изложенная им в лапидарной форме в «Предисловии к критике политической экономии», ориентировала на исследование процессов формирования капитализма, прежде всего как становления капиталистических производственных отношений (базис), которые, согласно идеям Маркса, выступают системообразующим ядром капиталистического общества. Отсюда вытекали особенности Марксова анализа – исследование процессов превращения денег в капитал и включение в товарно-денежное обращение рабочей силы в качестве особого товара.

Что же касается подхода Вебера, то процессы становления капитализма он исследовал, сделав акцент на формировании духа капитализма, его базисных ценностей, которые нашли выражение в протестантской этике и в становлении нового типа рациональности, обеспечивающей особое управление социально-производственными процессами. Такой подход был про-

^{*} Важно отметить, что при изучении сложных развивающихся систем исторические реконструкции представляют собой не фактофиксирующее эмпирическое знание (таковым выступает набор отдельных фактов-событий), а особый вид конкретной теории, демонстрирующей закономерности процесса в форме конкретной логики его развертывания (подробнее см.: Стёпин В. С. Теоретическое знание. М., 2003. С. 599–600).

диктован картиной социальной реальности, которую развивал Вебер. В ней главным фактором воспроизводства и изменения состояний социальной жизни выступали ценности, программирующие деятельность и поведение людей.

В междисциплинарных взаимодействиях, предполагающих перенос концептуальных средств и методов из одной науки в другую, роль исследовательской программы выполняет общенаучная картина мира. В этом случае она очерчивает круг возможных междисциплинарных проблем и средств их решения.

Характерным примером этих процессов могут служить новые направления, сформировавшиеся в биологии и социальных науках после создания кибернетики. Включение в общенаучную картину мира представлений о сложных системах с информацией и обратными связями породило новое видение биологических и социальных систем. В биологии на этой основе в 1950-х гг. возникла концепция И. Шмальгаузена, в которой организмы, популяции и биогеоценозы были представлены в качестве целостной системы, где генетическая информация и обратные связи определяют как устойчивость этой системы, так и характер ее изменений².

В социальных науках примером переноса на эту область знания понятий и методов кибернетики может служить концепция Т. Парсонса. В рамках этой концепции главное внимание уделялось процессам воспроизводства социальных систем, анализу их саморегуляции.

Вслед за Марксом и Вебером Парсонс рассматривал действия людей как главный фактор процессуальности социальной системы и ее воспроизводства. Разнообразие действий предстает на каждом этапе воспроизводства системы как набор ее базисных элементов. Выбор целей и средств для каждого конкретного вида действий хотя и включает элементы случайности, но вместе с тем обусловлен свойствами социальной системы как целого. Пространство выбора для каждого конкретного случая ограничено. Оно допускает вариации средств и целей только в определенных рамках. Эти рамки заданы исторически сложившейся системой ценностей, норм и образцов (паттернов) действий. Они выступают в качестве информационных кодов, в соответствии с которыми осуществляется воспроизводство социальной жизни.

Парсонс особое внимание уделял образцам, которые реализуются в системе социальных ролей. Актеры действия выступают носителями набора таких ролей, инициирующих действия по определенным образцам. Сам же образец может многократно использоваться различными актерами, а поэтому должен сохраняться. Сохранение латентного образца выступает условием воспроизводства социальной системы. Эту функцию выполняет культура, по мнению Парсонса, кибернетически управляющая социальной системой³.

Парсонс рассматривал культуру как особую подсистему общества, которая, включая в себя ценности, нормы и образцы, регулирует действия и поступки людей. Далее он выделял в системе общества еще две основные подсистемы – социально-политическую и экономику. Функция первой из них состоит в адаптации к внешней среде, функция второй – в обеспечении интеграции общества.

Как подчеркивал Парсонс, реализация целей деятельности порождает консумматорное состояние (состояние удовлетворения). В сложной системной совокупности действий по отношению к целостности социальной системы консумматорная функция предстает как достижение такого системного согласования действий, которое обеспечивает социальную интеграцию индивидов и социальных групп.

Адаптация к внешней среде и консуммация выступают своего рода контролирующими обратными связями над комплексами действий. Задача эко-

номики состоит в организации действий, обеспечивающих адаптацию к среде, задача политики заключается в выработке и принятии решений, которые создают условия для разнообразия действий, обеспечивающих воспроизводство внутренней интеграции общества.

Таким образом, Парсонс, развивая идеи Маркса, Вебера, Э. Дюркгейма, В. Парето и используя идеи кибернетики и системного анализа, предложил картину социальной реальности как сложной, саморегулирующейся системы. Важным аспектом этой картины были представления об открытости саморегулирующейся социальной системы и ее воспроизводстве благодаря кодам социальной информации и управлению, учитывающему обратное влияние результатов деятельности на целостное состояние данной системы.

Функционируя в качестве обобщенной матрицы для построения конкретных теорий и формирования фактов, картина исследуемой реальности постоянно испытывает на себе их обратное воздействие. В этом процессе картина реальности может уточняться и модифицироваться без радикального видоизменения. Но возможны ситуации, когда новые факты не ассимилируются принятой системой онтологических принципов, а конкретные теоретические объяснения фактов противоречат картине реальности и порождают парадоксы в системе знания.

Т. Кун описывает такие ситуации, как накопление аномалий и кризисы. В рамках развития отдельных дисциплин кризисы преодолеваются путем радикальной трансформации ранее принятой специальной научной картины мира (дисциплинарной онтологии). Переход от прежней к новой картине исследуемой реальности выступает важнейшим аспектом научной революции.

Утверждение новых представлений об исследуемой реальности (новой дисциплинарной онтологии), в свою очередь, вызывает соответствующие перестройки картины мира второго и третьего уровня интеграции знаний – естественно-научной (или социальной) и общенаучной картины мира.

Но сами такие изменения научной картины мира на высших уровнях систематизации знаний происходят не сразу. Ранее принятые версии дисциплинарной онтологии и ее новые варианты могут длительное время конкурировать между собой. И лишь предсказание новых фактов и построение конкретных моделей, успешно объясняющих факты (в терминологии И. Лакатоса – эмпирический и теоретический сдвиг проблем), может обеспечить приоритет новой картины исследуемой реальности.

Кун описывает эту ситуацию как конкуренцию парадигм. Однако следует принять во внимание, что в концепции Куна научная картина мира не выделена в качестве особой компоненты парадигмы. В лучшем случае можно полагать, что она обозначена в рамках того концепта, который Кун называет «метафизическими частями парадигмы». Из контекста его работ можно заключить, что он относит сюда и научные онтологии, и философские основания науки, не разделяя их и не выясняя их отличительных признаков. Конечно, наличие изъянов в концепции Куна не исключает ее позитивных сторон. Можно констатировать, что при описании функций парадигмы Кун зафиксировал целый ряд важных характеристик динамики науки: наличие относительно устойчивых оснований, которые обеспечивают рост научного знания (нормальная наука), этапы научных революций, связанных с коренным преобразованием оснований научного поиска и возникновением новых стратегий исследования, обусловленность научного познания социокультурными факторами.

Вместе с тем неопределенность понятия парадигмы и непроясненность ее структуры, даже после уточнений Куном этого понятия в ответ на критику, ограничивает возможности концепции парадигм. Если парадигму рассматривать как обозначение оснований науки, определяющих стратегию исследований как в рамках научной дисциплины, так и в междисциплинарном поиске, то структура парадигмы, как ее предложил рассматривать Кун, в яв-

ном виде не включает в себя наиболее существенных и значимых компонентов оснований науки.

В качестве таковых следует выделить: а) научную картину мира (с учетом ее типологий), которая задает своеобразную схему – матрицу видения предмета научного исследования в его главных системно-структурных характеристиках; б) систему идеалов и норм науки, включающую как институциональные, так и познавательные идеалы и нормы (объяснения и описания, доказательности и обоснования, строения и построения знаний), которые определяют обобщенную схему – матрицу метода научного исследования; в) философские основания науки, обосновывающие картину мира и идеалы и нормы науки при их адаптации к базисным ценностям культуры соответствующей исторической эпохи и их включения в поток культурных трансляций.

Все эти компоненты взаимосвязаны и образуют целостную исторически развивающуюся подсистему в системе роста научного знания. Каждый из них, в свою очередь, сложно структурирован и развивается во взаимосвязи с другими, в частности, картина мира всегда коррелирует с системой идеалов и норм исследования. Она вводит характеристики предмета науки, которые выявляются в определенной схеме метода деятельности, задаваемой идеалами и нормами науки.

Я не буду далее конкретизировать эти идеи структуры и исторической динамики оснований науки, поскольку такие конкретизации изложены в моих работах (Научные революции в динамике культуры. Мн., 1987. С. 41–61; Теоретическое знание. М., 2003. Гл. 3).

Подчеркну лишь еще раз, что куновская концепция парадигмы только намечает эти компоненты без их отчетливой экспликации, без анализа их внутренней структуры и взаимосвязей. Это касается не только картины мира и философских оснований, но и системы идеалов и норм научного познания.

Куновская характеристика ценностей, которые он вводит в качестве компонента парадигмы, может быть интерпретирована как первый и весьма приблизительный эскиз идеалов и норм науки. Из контекста куновских работ и приводимых им примеров можно заключить, что имеются в виду идеалы науки, причем взятые в весьма ограниченном диапазоне – как идеалы объяснения, предсказания и применения знаний.

Определяя парадигму, Кун включает в нее наряду с «ценностями» и «метафизическими частями парадигмы» символические обобщения и образцы решения задач. Эти компоненты уже не относятся к глубинным основаниям науки, а скорее обозначают формы знания, вырастающие на этих основаниях. Такое смешение различных типов и форм знания не позволяет четко выявить структуру парадигмы и приводит к целому ряду трудностей и противоречий. Например, «символические обобщения» Кун понимает как математические формулировки законов, включая в них и формулировки законов частного характера (типа формул, выражающих известные в физике закон Джоуля – Ленца и законы механического колебания). Открытие таких законов и их математические формулировки должны представлять собой, согласно Куну, исследование на стадии нормальной науки. Но если они определяются как компонент парадигмы, тогда эти открытия означают уже изменение парадигмы, т. е. научную революцию.

Подобные трудности и нестыковки требуют избирательного отношения к тому методологическому инструментарию, который предлагается концепцией Куна. Нельзя упускать из виду, что эта концепция была развита в 1960-х гг. и что за последние почти полвека исследования в области методологии значительно продвинулись.

Недостаточная аналитическая проработка парадигмальных оснований науки не позволила Куну описать механизмы смены парадигм логико-мето-

дологических средствами. Он использовал для этой цели язык психологии, интерпретируя появление новой парадигмы как гештальт-переключение. Каждая новая парадигма, возникающая в этом процессе, несоизмерима с предшествующей. Применительно к смене картин мира это положение акцентирует внимание только на их различии, оставляя в тени их генетическую, преемственную связь. Наиболее отчетливо эту связь можно проследить в историческом развитии естественных наук. В физике, например, между тремя основными типами физической картины мира – механической, электродинамической и квантово-релятивистской (становление каждой из которых знаменовало научную революцию) – существовали не только кардинальные различия, но и определенная генетическая преемственность. Электродинамическая картина физической реальности, утвердившаяся после создания Д. Максвеллом теории электромагнитного поля, не просто отбросила предшествующие представления механической картины мира, а переработала их. Вводя представления о полях сил как особой материальной субстанции, новая картина физической реальности сохранила идею неделимых атомов, интерпретируя ее как существование двух типов атомов – вещества и электричества.

Заменяя принцип дальнего действия (мгновенная передача сил) на альтернативный ему принцип близкого действия (распространение сил с конечной скоростью от точки к точке), новая картина реальности сохранила идею лапласовской детерминации, распространив ее на принцип близкого действия. Остались неизменными в электродинамической картине мира представления об абсолютном пространстве и времени, перенесенные из механической картины мира.

Становление квантово-релятивистской картины физической реальности сопровождалось радикальной трансформацией электродинамической картины. Но и здесь можно установить определенную преемственность. Представления о неделимости «атомов вещества» были элиминированы, но идея атомистического строения вещества сохранилась. Сохранилось и представление об электромагнитном и гравитационных полях как особых видах материи, хотя и с существенными уточнениями. Развитие квантовой теории поля включило в физическую картину мира идею корпускулярно-волнового дуализма полей, что ликвидировало резкую границу между элементарными частицами вещества и квантами поля. Квантовая механика потребовала изменить принцип детерминизма в его лапласовской трактовке. В картину мира вошло представление о вероятностной причинности, но лапласовский детерминизм как особый вид причинности не был отброшен, он сохранился хотя и не как универсальный, а как вид причинности, имеющий ограничения.

Даже, казалось бы, сверхрадикальные изменения представлений о пространстве и времени, вызванные построением теории относительности, не просто отбросили теоретический конструкт «абсолютное пространство-время», а выявили в нем рациональное содержание и установили границы его применимости.

Идея абсолютности пространства-времени в классической физике воспринималась как условие объективности пространственно-временного описания, поскольку неявно постулировалось, что при переходе от одной системы отсчета к другой инвариантными остаются отдельно пространственный и отдельно временной интервалы. В специальной теории относительности это положение не просто отбрасывается, но уточняется и обобщается. Выявляется относительность отдельно взятых пространственного и временного интервалов при переходе от одной системы отсчета к другой. Вместе с тем обнаруживается, что сохраняется неизменным (инвариантным) пространственно-временной интервал, а значит, и объективность пространственно-временного описания физических событий и процессов. Тогда

классический способ пространственно-временного описания, представленный принципами механической и электродинамической картин физического мира, выступает как идеализация, пренебрегающая относительностью пространственных и временных интервалов. Но, как и всякая идеализация, он был допустим в определенных границах. Классическая концепция пространства и времени могла быть эффективна только при изучении физических процессов, скорости протекания которых пренебрежимо малы по сравнению со скоростью света (механика в большей своей части имела дело именно с такими процессами), когда изменениями отдельно пространственного и отдельно временного интервалов можно пренебречь.

Таким образом, различные парадигмы вовсе не являются несоизмеримыми. Их можно соизмерять, сравнивать между собой и находить в них как радикальное отличие, так и общие черты.

С этих позиций следует рассматривать и парадигмы социальных наук. Различные картины социальной реальности, возникающие в процессе исторического развития этих наук, не исключают преемственности. И это может стать основой для построения целостной системной картины социальной реальности.

От полипарадигмальности к интегральной картине социальной реальности

Длительное время в социальных науках доминировал принцип множественности парадигм, каждая из которых вводит свое понимание структуры и динамики общества. Данная констатация воспринималась как выражение специфики социального познания. Но постепенно эта позиция стала изменяться.

Г.В. Осипов в работе 1999 г. (в соавторстве с С.М. Митиной) отмечал: «В последнее десятилетие наиболее четко обозначилась общая тенденция к конвергенции противостоящих ранее друг другу парадигм»⁴. Ее можно интерпретировать и «как тенденцию к переходу от многовариантного к монопарадигматическому статусу социологической науки»⁵.

Существует несколько классификаций современных социологических парадигм. В качестве крупных типологических единиц чаще всего выделяют парадигмы социально-исторического детерминизма, социальных фактов, социальных дефиниций и социального поведения и их версии, представленные концепциями социального действия, символического интеракционизма, феноменологической социологии (парадигма «социальных дефиниций»), структурно-функциональной, системной и «конфликтной» концепциями (парадигма социальных фактов), в концепциях социального бихевиоризма и социального обмена (парадигма социального поведения)⁶. Во всех них имеются инвариантные, а также дополняющие друг друга характеристики социальной реальности. Это обстоятельство уже зафиксировано в нашей литературе⁷. Анализ взаимодействия разных парадигмальных образцов социальной реальности является необходимой предпосылкой формирования ее интегральной картины.

Предпосылки построения такой картины возникают не только в социологии, но и в других науках об обществе и человеке. Науки о культуре сегодня уже не могут развиваться, абстрагируясь от социологических знаний, экономические науки принимают во внимание не только социально-политические аспекты функционирования экономики, но и ее зависимость от особенностей культуры. В результате возникают потребности в целостной научной картине общества, учитывающей современные достижения экономических, социально-политических и социально-гуманитарных наук.

Построение такой картины предполагает синтез дисциплинарных онтологий различных наук об обществе и человеке, выделение в них инвариантного содержания с учетом их исторической эволюции. При взаимодействиях социальных и гуманитарных наук это содержание имплицитно пред-

ставлено в различных предметных образах экономического, социально-политического и культурологического знания. Такие образы выступают подсистемами интегральных системных характеристик картины социальной реальности. Задача состоит в их экспликации и системном синтезе. Такой синтез должен быть целенаправлен философскими и методологическими идеями, каковыми выступают: а) идеи философской антропологии (понимание человека и основных отношений, выражающих особенность его жизнедеятельности) и б) представления об обществе как о сложной саморазвивающейся системе.

Разумеется, картина социальной реальности представляет собой схему, упрощающую действительность, но вместе с тем способную прояснить некоторые существенные стороны человеческой жизнедеятельности. Поэтому она должна быть открыта для критики и последующей конкретизации.

В дальнейшем я попытаюсь предложить эскиз современной картины социальной реальности.

¹ Подробнее см.: Стёпин В.С., Кузнецова Л.Ф. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. М., 1994. С. 147–148, 170–172.

² См.: Стёпин В.С. Теоретическое знание. М., 2003. С. 602–604.

³ См.: Parsons T. Action Theory and the Human Condition. New York, 1978. P. 362, 374.

⁴ История социологии в Западной Европе и США. М., 1999. С. 532.

⁵ Там же.

⁶ См.: История социологии в Западной Европе и США. М., 1999. С. 532–534; Осипов Г.В. Социология и социальное мифотворчество. М., 2002. С. 164.

⁷ См.: История социологии в Западной Европе и США. С. 531–535.

Поступила в редакцию 28.05.09.